

112 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Денис СОРОКОТЯГИН

г. Москва

Э то было еще одно безденежное лето. Промежуток между старым и новым театральными сезонами. Простите, забыл вам сказать, что я – актер. О, не спрашивайте меня, в каком театре можно увидеть спектакли с моим участием или же в каком фильме можно меня посмотреть. Да вы и не спрашиваете. И правильно делаете. Потому что хорошие, стоящие спектакли, в которых я играл, давно сошли со сцены, а фильмы с моим участием еще не снимались, да и вряд ли. Не хочу прогнозировать, тем более плохое. Этот текст не о моих театральных и киношных работах, хотя об этом можно говорить долго и подробно. Даже нужно. Но здесь речь пойдет о конкретном лете. И в нем не было ни театра, ни кино, ни денег.

Я с шести лет знал, что Петр Первый был женат на Екатерине Первой. Первые – это была такая фамилия в моем понимании, одна на двоих, как у нормальных супругов, живущих в уральской полосе. И вообще, они не были для меня какими-то важными людьми в истории нашего государства. Они были двухэтажными коробками конфет в форме трапеции. Не помню точно, как называется эта фигура. Похожая, из гипса, стояла на полке в школьном кабинете математики. Петр был красной коробкой, отделанной картонной яшмой, а Екатерина – зеленой, под малахит. Найти коробку конфет «Петр» было нелегким делом. Я видел ее два раза в жизни, первый – вживую (кто-то подарил семье), второй – на баннере городской кондитерской фабрики «Конфи». А вот «Екатерина» стояла на витринах в каждом кондитерском отделе. Стояла,

скачала, потому как была недешевая. Петр был еще дороже. Цена была оправданна. Целых два этажа самых разных конфет: с начинкой и без. Больше всего я любил грильяж. Он трудно доставался из пластмассового углубления и был похож на толстую сигару. Я вставлял орехово-шоколадную сигару в рот и «курил». Грыз грильяж, стачивая его. Другие конфеты в «Екатерине» меня мало волновали. Но не станешь же покупать дорогую «Екатерину» ради двух грильяжных палочек.

– Как-нибудь перебеешься, – могли сказать мне родители. Но так не говорили. Потому что любили.

3

Мне написал очень хороший человек. В дальнейшем будем именовать его Заказчик. Я понимаю, что это звучит очень сухо и на договорном языке. И вы сразу же перестаете мне верить, что человек был действительно хороший, даже исключительный. Он вытащил мое лето из дырявого безденежья. Подкинул работу. Я обычно не соглашаюсь на аниматорство: ростовые куклы, странные костюмы, сшитые из недышащей синтетики. Вы поняли, о чем я. Но тут я согласился. И даже дело не в отсутствии денег. Дело в роли. Петр Первый. Заказчик написал мне, зная, что я высокий, 185 см в длину. Ширина тоже подходящая. Для молодого Петра, только что вступившего на трон, – в самый раз. Заказчик выслал мне текст, который нужно было выучить. Текст напоминал тронную речь. Я очень быстро выучил текст. И дело не в том, что мне предстояла скорая репетиция с Заказчиком, дело в моей памяти. Она быстрая и хваткая. Хватает все что ни попадя. И нужное, и совсем ненужное. И так же быстро выпускает из рук. Нужное можно держать. Я не помню, как прошла репетиция. Это говорит о том, что на ней было сказано очень много важного и нужного перед будущей поездкой. Да, я снова забыл вам сказать. Играть Петра Первого надо было в самой лучшей среде, которую только можно себе представить. В Питере. Об этом можно было только мечтать. И гонорар был прекрасный. Спасибо Заказчику – очень хорошему человеку. Он купил билеты на «Сапсан». Для себя и для меня. Я тоже был покладистым и хорошим. Сделал все, о чем мы договаривались с Заказчиком. Побрился, убрал

всю лишнюю растительность с щек, оставив одни усы. Такие усы были у наших отцов в девяностые. Это достаточно милое, но пугающее зрелище на любителя. Я говорю сейчас за себя. За свои усы и лицо, на котором они смотрелись, как будто приклеенные нетрезвым гримером. Правый ус был длиннее левого. Я заметил это, когда сделал контрольное селфи на память.

Я человек малостеснительный. В поезде я не узнавал себя. И в этом неузнавании проехал все четыре часа до Питера, прикрывая рукой щеточку над верхней губой. Тогда еще не было ковида и масок везде и всюду. Маска бы меня тогда спасла. То, о чем я пишу, было давно. Недавно в Фейсбуке всплыло воспоминание. Увидел год и тут же его забыл. Запомнил только, что воспоминание погрузило меня в грустную меланхолию. Я не люблю воспоминания в соцсетях. Но что-то репощу, репощу.

4

В 2003 году я впервые посетил Санкт-Петербург. Мы ездили туда с мамой вдвоем на экскурсии. Тогда был юбилейный для города год, триста лет, и весь центр города вылизали, позолотили. С того момента город на Неве упал в меня, разлился всеми реками, затопил. Каждый год я мечтаю переехать в Питер насовсем. Все бросить и свалить из Москвы. Каждый год у меня ничего не выходит. Хотя нет, что-то выходит. Но точно не то и точно не в Питере. Тогда, в 2003 году, меня поразил памятник Петру Первому, сделанный скульптором Михаилом Шемякиным. На нем Петр лысый. Я помню, что грустная меланхолия снова тогда настигла меня. Это были ее первые схватки со мной. Мне было по-детски жаль Петра. Я знал, что такое быть лысым. Нет, речь не про мои волосы, они, слава богу, на месте. Моя бабушка всю сознательную жизнь прожила лысой. Она закрывала лысину шиньоном. По ее словам, она сожгла волосы в молодости пергидролью, передержала краску. И осталось вместо волос гладкое выжженное поле. Мне было жалко бабушку. К тому же однажды в одном из шкафов, куда мне нельзя было заглядывать, я увидел толстую, туго заплетенную косу. «Это твоя коса?» – спросил я бабушку на свой страх и риск. «Да, – ответила мне она и добавила, – не лезь туда больше».

Я долго смотрел в лицо шемякинскому Петру. Потом перевел взгляд на его ноги. Экскурсовод

114 *Денис Сорокотягин*

сказала нашей группе, что у Петра был маленький размер ноги – тридцать восьмой. И тогда мне снова стало жаль Петра. Так жаль, что даже захотелось присесть на его костлявую, вытянутую коленку. Но я не успел этого сделать, потому что группа пошла в Петропавловку. У меня сейчас сорок шестой размер ноги. Мне трудно подобрать обувь. Даже Заказчик не смог. Туфли, предназначенные для моей версии Петра, были сорок пятого размера и поджимали.

5

Это был корпоративный праздник одной из крупных фармацевтических компаний. Руководитель компании решил провести его в Северной столице. Все тридцать человек, находящихся в штате, ехали тем же «Сапсаном», что и мы с Заказчиком, только в другом вагоне. Они не должны были увидеть Петра до празднества. Хотя Петра бы они и не увидели. Они бы обнаружили молодого человека с пунцовыми щеками, прикрывающего юношеские усики. Не усики – а пропуск в... Я делаю успехи. Я недоговариваю фразы, которые услышал когда-то в пору уральского детства.

Я не помню, как прошло мое выступление. Помню то, что было за кулисами. Конечно, там не было кулис. Это был кабинет, в котором я зубрил текст помимо тронной речи. Кстати, тронная речь прошла на ура. С первых слов: «Бояре, слушайте меня, бояре» – я понял, что мне вторит и помогает эхо, делая мой голос неживым, мемориальным, сошедшим со страниц учебника по истории. Такой голос вполне мог быть у шемакинского Петра. Он бы подошел к лысой голове и маленькому размеру ноги.

После тронной речи мне предстояло объявлять сотрудников отделов, точнее, темы их выступлений. Дезоксирибонуклеиновая кислота – самое легкое слово, которое фигурировало в тексте, данном мне Заказчиком. Предложения состояли сплошь из медицинских терминов, которые должны были отлетать от моих зубов, касаться непропорциональных усов, а уже потом лететь в зал и разноситься эхом. Хорошо, что между каждым выступлением отделов у меня было чистых сорок-пятьдесят минут, за которые я успевал вызубрить сложносочиненный (для меня и Петра) текст. Мой большой гонорар за петровскую работу был оправдан, и даже в какой-то момент, вероятно, под конец праздни-

ка, показался мне малым. Взыграла лихая петровская кровь. Взыграла и тут же остыла. Заказчик доволен, служители фармацевтики тоже. Намозоленные ноги предпочли остаться индифферентными к прошедшему.

6

Один мой очень хороший друг, давно живущий в Питере, как-то рассказал мне о своем первом поцелуе с девушкой, которая приехала к нему, чтобы съехаться. Они давно были знакомы по Сети, а первоначально нашли друг друга в мобильном приложении для знакомств – «Тиндере».

Друг рассчитывал на быстрое, необременительное, но в то же время тесное знакомство. Не знаю, почему он выбрал для поиска «Тиндер». Мне кажется, в Питере не составит труда наладить мимолетную связь, перекинуть мост и наутро его развести. Но из песни слов не выкинешь. Все бы ничего, если бы девушка, понравившаяся моему другу (они сразу отлайкали друг друга), жила не в Питере, как было указано у нее в анкете, а где-то под Архангельском. Зачем она указала в профиле Питер? Хотя я ее понимаю. С тех пор у моего друга и лжепитерки закрутился сетевой роман, продлившийся полгода. И вот наконец онлайн-знакомству пришел конец. Она в Питере. Он тоже в Питере. Стоят, оба два, красивые, молодые, продуваемые ветрами, у «Медного всадника» и целуются. И тут мне стало завидно, так же, как и Петру, смотрящему на все это. Конь пожелал остаться индифферентным. И правильно сделал. Зависть – это очень нехорошо.

7

Заказчик поселил меня в отеле рядом с Адмиралтейством. Это входило в наш с ним договор. Холл на первом этаже напоминал филиал Эрмитажа. Мускулистые атланты с легкостью и даже некоторой иронией держали на себе потолок, украшенный взбитой лепниной. Это был и есть самый шикарный отель, в котором мне доводилось когда-то жить. Жаль, что всего один день. Вечером меня ждал «Сапсан». Самое обидное, что Заказчик по какой-то случайности снял номер на три дня. После сыгранного Петра Первого я мог спокойно отдыхать в шикарных,

поистине имперских условиях. Но завтра у меня был спектакль, детская утренняя сказка, в 10 утра сбор на грим, в двенадцать – выход на сцену. Я не помню, кого я играл тогда. Спасибо, память. Лежал перед отъездом на огромной четырехместной кровати в номере, смотрел в стену. На ней висел портрет. И кого же, вы думаете? Правильно. Петра Первого. Карандашный рисунок, срисованный скульптурный бюст. Только верхняя часть Петра. Хорошо, что присутствовал парик. Хорошо, что грустная меланхолия вцепилась в меня только в «Сапсане». Я думал о расчленении. Себя. Мечтал, вот бы оставить мою верхнюю часть в отеле, а главное, в Питере, а нижнюю часть отправить играть утренний спектакль в Москве. Какую же роль я играл? Правую куриную лапку у домика Бабы Яги. Грустная меланхолия, отвяжись от меня. И брось эту привычку перекидываться с прошлого на сегодняшний день.

по-петровски, как вдруг вспомнил про усы. Я забыл их сбрить. Катастрофа. Второй поездки на «Сапсане» с усами я бы не перенес. Усы должны были остаться в Северной столице незамедлительно. Когда на мне был черный парик, усы смотрелись более или менее органично, конечно, в рамках образа. Без парика – даже о пропуске куда-то там... говорить было бессмысленно. Только если... побриться наголо, вот тогда, может быть, усы и выстрелили. Но нет, нет, нет. Еще не нашелся такой Заказчик, а самое главное – такой гонорар. Хотя, конечно, все обсуждаемо и ради роли возможен компромисс. Главное, чтобы роль была очень хорошей.

8

Забыл сказать, что я чуть не опоздал на тот вечерний «Сапсан». И не потому, что я замешкался, желая оттянуть свое пребывание в Питере. Да, я действительно тянул до последнего, но заложил сорок минут на дорогу до Московского вокзала. Меня подвело бритье. Я уже собрался выходить из номера, нахмутив бровь

Денис Андреевич СОРОКОТЯГИН,

28 лет.

*Окончил Свердловский мужской хоровой колледж (пианист)
и Екатеринбургский государственный театральный институт.*

*Актер театра и кино, режиссер, драматург,
художественный руководитель «DAS-театра»,
педагог по актерскому мастерству и вокалу,
автор учебных пособий для детских музыкальных школ.*

*Актер Театра музыки и поэзии Елены Камбуровой.
Публиковался в журналах: «Знамя», «Новый мир», «Сибирские
огни», «Нева», «Русский пионер», портале «Полутона».*

Живет и работает в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

